

A full-body photograph of a woman with long, dark, wavy hair and light-colored eyes. She is wearing a white, intricate lace bikini consisting of a halter-neck top and high-cut bottoms. She is standing outdoors next to a swimming pool with clear blue water. The background is filled with lush green foliage and palm trees under bright, sunny conditions. The woman is looking directly at the camera with a neutral expression.

Александр Эрот

*Лишенная
девственности*

18+

Александр Эрот

Лишенная девственности

«Автор»

2026

Эрот А.

Лишенная девственности / А. Эрот — «Автор», 2026

Соня Белова, восемнадцатилетняя отличница из Саратова, солгала родителям и отправилась на фестиваль с одной целью — сбросить слишком тесную кожу девственности. Не в скучном подъезде, а там, где земля дрожит от басов, воздух пахнет травой и приключениями, а ночь разрешает всё. Она встречает Марка — музыканта с мозолистыми руками и взглядом, который не играет ролей. Их ночь в палатке под тёплым дождём становится не первым разом, а ритуалом посвящения. Вернувшись домой, Соня уже не та. Она познаёт эстетику желания с фотографом Вадимом, превращая тело в живой холст. Через три года, на греческом острове, под звёздами Эгейского моря, она встречает Жюльена. Их любовь — архитектура экстаза, абсолютное слияние двух свободных душ. Это история о том, как стыд уступает место священному праву желать. Философия плоти, где истинная невинность — смелость быть собой без извинений. Гимн женскому телу и праву наслаждаться без границ.

© Эрот А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Эрот

Лишенная девственности

Пролог

Истинная невинность не имеет ничего общего с нетронутой плотью. Эту истину мы открываем для себя слишком поздно, потратив годы на то, чтобы беречь свою так называемую «чистоту», словно хрупкую фарфоровую вазу в пыльном серванте. Настоящая невинность — это смелость желать без стыда. Это момент, когда женщина впервые смотрит на свое обнаженное отражение не глазами осуждающего общества, а глазами богини, осознающей свою абсолютную, сокрушительную власть.

Полуденное солнце щедро лилось сквозь приоткрытые деревянные ставни, расчерчивая смятые льняные простыни золотыми и теновыми полосами. В комнате пахло растертой между пальцами лавандой, морской солью и тем мускусным, густым ароматом, который оставляет после себя долгая, неторопливая любовь.

Я сидела верхом на его бедрах, откинув голову назад, позволяя тяжелой волне темных волос скользить по моей обнаженной спине. Его руки — сильные, смуглые, знающие — покоились на моей талии. Он не торопил меня. В мире истинной чувственности спешка — это преступление против эстетики.

Я закрыла глаза, концентрируясь на том, как медленно, миллиметр за миллиметром, я опускаюсь на него. Это было не просто физическое проникновение; это было абсолютное слияние, ритуал, в котором мое тело выступало и храмом, и алтарем. Влага моего лона, раскаленная нашим общим дыханием, делала каждое движение тягучим, скольльзящим, совершенным.

— Посмотри на меня, — прошептал он. Его голос был хриплым, сорванным от сдерживаемого наслаждения.

Я приоткрыла веки, глядя на него сквозь пелену подступающего экстаза. В его глазах я видела то, что хотела видеть всегда: поклонение. Я чуть приподнялась, дразня его, заставляя его плоть пульсировать внутри меня, а затем резко, до самого основания, опустилась вниз. Он издал глухой стон, его пальцы впились в мои бедра, оставляя легкие, сладкие синяки.

Я начала двигаться. Сначала плавно, раскачиваясь в такт невидимой музыке, которая звучала только в моей крови. Моя грудь вздымалась, соски затвердели, царапая горячий воздух комнаты. Он потянулся вверх, губами поймал один из них, и этот обжигающий, влажный контакт стал катализатором.

Спираль внутри моего живота начала закручиваться с пугающей, первобытной скоростью. Я ускорила ритм. Теперь я не просто скользила — я брала его, требовала, высекала из наших столкнувшихся тел искры чистой, незамутненной радости. Шлепки влажной кожи о кожу эхом разносились по комнате. Я наклонилась вперед, опираясь ладонями на его широкую грудь, мои волосы упали, создав вокруг наших лиц интимный полумрак. Мы дышали одним воздухом.

Когда волна накрыла меня, это было похоже на падение в ослепительно белую бездну. Я запрокинула голову и закричала — долго, звонко, не пряча своего голоса, позволяя судорогам наслаждения сжимать меня изнутри, выжимая из его тела ответный, мощный выброс семени. Оргазм пульсировал во мне, расходясь кругами, как вода от брошенного камня, оставляя после себя звенящую, кристальную пустоту.

Обессиленная, я упала ему на грудь. Он обнял меня, зарывшись лицом в мои волосы, тяжело дыша. Наши сердца бились в едином, успокаивающемся ритме.

Лежа так, чувствуя кожей прохладный ветерок с моря, я повернула голову и посмотрела в высокое зеркало, стоявшее в углу комнаты. В нем отражалась женщина. Раскованная, сильная, бесстыдная в своей красоте. Женщина, которая знает, что ее желания священны.

Но я не всегда была такой.

Глядя на свое отражение, я вспомнила другую девочку. Ту, что прятала свои фантазии за страницами учебников, ту, что считала свое тело обузой, а девственность — слишком тесной кожей, от которой нужно избавиться, как от старого, колючего свитера. Ту девочку, которая думала, что свободу можно найти где-то вовне, не понимая, что ключи от нее всегда спрятаны внутри.

Это было три года назад. До Греции, до фотостудий, до того, как я познала архитектуру собственной страсти. Все началось с пыльной дороги, гудения мотора и отчаянного, слепого шага в неизвестность. Шага туда, где земля дрожала от басов, а ночь казалась достаточно темной, чтобы скрыть мое преобразование.

Я закрыла глаза, и запах лаванды сменился запахом дешевого бензина, теплого пива и примятой травы.

Глава 1

Она вышла из автобуса последней, с онемевшими от долгой дороги ногами и дрожью в животе, которая совсем не была похожа на страх. Перед ней тянулось поле палаток и сцена, похожая на космический корабль, над которым медленно сгущались сумерки. Воздух был густым от запаха травы, пива и приключений.

Ей было восемнадцать, и она солгала дома, сказав, что едет к подруге «на дачу». На самом деле она приехала сюда, в этот гулкий, бешеный муравейник, с одной-единственной целью, которая заставляла кожу под футболкой становиться горячей. Девственность в ее воображении давно уже превратилась не в ценность, а в слишком тесную кожу, которую пора снять. И она решила, что сделает это не в чужом скучном подъезде и не с одноклассником, а здесь — где земля дрожит от басов, а ночь, казалось, разрешает всё.

Парень настраивал гитару, сидя прямо на земле, скрестив ноги, и не смотрел на неё. Это было первое, что она в нём заметила — что он не смотрит. Здесь все смотрели на неё. Она привыкла к этому ещё в школе, привыкла к взглядам, которые скользили по её лицу, по тёмным волосам, по тому, как она шла — чуть вперёд подбородком, будто всегда готовилась к чему-то.

Но этот не смотрел.

Он был старше — лет двадцати пяти, может больше, с руками, на которых были видны мозоли от струн, и с таким выражением лица, какое бывает у людей, которые давно перестали притворяться.

— Криво стоит, — сказал он, не поднимая головы. — Твоя палатка.

— Я знаю.

— Ночью дождь обещают.

— Я знаю, — повторила она, хотя не знала.

Он наконец посмотрел на неё. Взгляд был короткий, профессиональный почти — так смотрит врач, которому достаточно одной секунды, чтобы поставить диагноз.

— Давай помогу.

Она хотела сказать не надо — это слово жило у неё в горле как рефлекс, выработанный годами. Не надо, я сама, всё в порядке. Но она приехала сюда именно для того, чтобы убивать такие рефлексy. Один за другим.

— Давай, — сказала она.

Его звали Марк. Фестиваль существовал три дня в году и жил по собственным законам, где не спрашивают откуда ты и кем работает твой отец. Он приезжал сюда уже пятый год. Играл в какой-то группе — названия она не запомнила, потому что в тот момент, когда он говорил, она смотрела на его руки, которые быстро и уверенно переставляли колышки, натягивали ткань, и думала о том, что уверенность в руках — это, наверное, самое красивое, что бывает в людях.

— Ты одна приехала? — спросил он.

— Да.

— Смело.

— Или глупо.

— Здесь это одно и то же, — он усмехнулся и встал, отряхнув руки. — Палатка теперь выдержит.

Она поблагодарила его. Он кивнул и вернулся к своей гитаре. И снова не смотрел.

Первый день она провела в толпе.

Это было странное ощущение — раствориться. В Саратове она всегда была Соня Белова, дочь Беловых с окраины, отличница, девочка с длинными волосами, про которую мальчики

говорили одно, а делали другое — то есть ничего не делали, потому что боялись, или потому что она сама как-то умела держать дистанцию, сама не понимая как.

Здесь она была никем. Просто телом в толпе, которое двигалось под музыку.

Музыка была громкой, злой и честной — такой честной, что у неё несколько раз перехватывало горло. Она не ожидала этого. Она думала, что придет и будет действовать по какому-то плану, который сама себе не могла сформулировать, но план был — найти кого-то, кто понравится, и просто позволить случиться тому, чему она так долго не позволяла случиться.

Но музыка спутала всё.

Она стояла перед большой сценой, когда вышла группа — четыре человека, гитара, бас, барабаны и голос, который был похож на содранную кожу, — и что-то внутри неё сдвинулось. Не сломалось, не открылось — именно сдвинулось, как мебель, которую долго не двигали и вот наконец передвинули, и под ней оказался другой цвет пола.

Она простояла там два часа.

Вечером у костров она познакомилась с Лерой.

Лера была из Екатеринбурга, ей было двадцать два, и она приезжала сюда уже третий год. У неё были короткие рыжие волосы и манера говорить быстро, перескакивая с темы на тему, но при этом никогда не теряя нити.

— Первый раз? — спросила Лера, протягивая ей пластиковый стакан с чем-то красным.

— Так заметно?

— У тебя глаза, как у человека, который только что вошёл в очень большую комнату.

Соня засмеялась. Вино было дешёвым и немного тёплым, и это было правильно — холодное здесь было бы неуместно.

— Я приехала... — начала она и остановилась.

— Зачем приехала? — Лера смотрела прямо, без осуждения, с тем простым любопытством, которое бывает у людей, которым действительно интересно.

— Я хотела что-то сделать первый раз, — сказала Соня. — Что-то, что я всё время откладывала.

Лера помолчала секунду.

— Ясно, — сказала она просто. — И как, нашла кого-нибудь?

— Пока нет.

— Торопиться не надо. — Лера отпила из своего стакана. — Здесь три дня. И здесь всё происходит само, если не мешать.

— Ты так говоришь, будто это легко.

— Это не легко, — согласилась Лера. — Это просто естественно. Разница большая.

Марк появился снова около полуночи.

Она сидела чуть в стороне от основного костра, обхватив колени руками, и смотрела на огонь с тем пустым вниманием, которое приходит после долгого дня. Он сел рядом без предисловий, как будто они договорились.

— Слышала Горелых сегодня? — спросил он.

— Которые на большой сцене?

— Да.

— Слышала. — Она помолчала. — Я чуть не заплакала.

— Многие плачут, — сказал он без иронии. — Это правильно.

Они помолчали. Это было странное молчание — не неловкое, а плотное, как будто в нём что-то происходило, просто медленно.

— Ты откуда? — спросил он.

— Саратов.

— Первый раз здесь?

— Да.

— И что думаешь?

Она подумала, как ответить честно.

— Думаю, что я очень долго жила в маленьком пространстве, — сказала она. — И не понимала, что оно маленькое.

Он посмотрел на неё — на этот раз долго, не профессионально, иначе.

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

Он кивнул, как будто это объясняло что-то важное.

— В восемнадцать всё так и работает, — сказал он. — Приезжаешь куда-нибудь и вдруг понимаешь, что комната была маленькой. Потом привыкаешь и снова начинаешь думать, что комната нормальная. — Он усмехнулся. — Поэтому я сюда и езжу каждый год. Чтобы не привыкать.

— А помогает?

— Иногда.

Она смотрела на огонь и чувствовала его присутствие рядом — не угрожающее, не давящее, просто настоящее. Он был рядом как факт, и этот факт был приятен.

— Марк, — сказала она.

— Да.

— Ты не смотрел на меня, когда я ставила палатку. Сначала.

— Знаю.

— Почему?

Он помолчал.

— Потому что, когда на человека сразу смотрят, он начинает играть роль, — сказал он. — А мне было интересно, что ты делаешь, когда не играешь.

— И что я делала?

— Ругалась на колышек. Тихо, про себя, но губы двигались. — Он улыбнулся. — Это было честно.

Она засмеялась — по-настоящему, не прикрывая рот ладонью, как привыкла.

Они не сделали ничего в ту ночь.

Она легла в свою палатку — которая теперь стояла ровно — и слушала, как вдалеке кто-то играет на акустике что-то медленное, и думала о том, что Лера была права. Не надо торопить. Не потому, что не хочется, — хочется, и это желание было таким чётким и ясным, что она удивилась сама себе. А потому что здесь, в этой темноте, под этим небом, она впервые за долгое время чувствовала, что время принадлежит ей.

Не расписанию. Не ожиданиям. Не тому образу себя, который она выстраивала для других.

Ей.

Дождь начался около трёх ночи — тихий, тёплый, летний. Он барабанил по ткани палатки, и Соня лежала и слушала его, и думала о руках, которые умело переставляли колышки, и о голосе, который сказал это было честно, и о том, что завтра ещё один день.

Целый день.

И она никуда не торопится.

Но она знала — с той спокойной, тёплой уверенностью, которая не кричит, а просто присутствует — что всё, зачем она приехала, уже началось.

Просто началось не так, как она думала.

Утро пришло с запахом мокрой земли и кофе.

Соня проснулась раньше, чем проснулся лагерь — в тот час, когда небо уже светлое, но солнце ещё не решило, подниматься ли. Она лежала на спине и слушала, как капли стекают с

палатки, и чувствовала в теле что-то новое. Не возбуждение и не тревогу — что-то среднее, как натянутая струна, которую ещё не тронули, но уже знают, что тронут.

Она вышла наружу босиком.

Трава была холодной и мокрой, и это ощущение — холодная трава под ступнями, ранний воздух, тишина большого спящего поля — было таким острым, что она остановилась и просто стояла секунд тридцать, ни о чём не думая. Просто существовала.

Это тоже было что-то новое.

Дома она никогда просто не существовала. Дома она всегда что-то делала, планировала, отвечала, соответствовала. Здесь, на этом поле, в пять утра, без обуви — она была просто телом в пространстве, и пространство её принимало без условий.

Костёр с прошлой ночи ещё тлел.

Рядом с ним, завернутый в спальник прямо на земле, спал какой-то парень с дредами. Чуть дальше две девушки разговаривали вполголоса, держа кружки двумя руками, как держат что-то ценное. Одна из них подняла голову и посмотрела на Соню — без любопытства, просто кивнула, как кивают своим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.